Тетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

№ 4 2017

«Русская интеллигенция»

фонд ИСЭПИ

Институт социально-экономических и политических исследований

Альманах

[Декабрь 2017 г.]

фонд ИСЭПИ
Институт социально-экономических и политических исследований

«Русская интеллигенция»

[декабрь 2017 г.]

Тетради по консерватизму

[№ 4 2017 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ)
2017

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология, 09.00.00 – Философские науки.

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.Ю. Зудин,
А.А. Иванов, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков,
Р.В. Михайлов (гл. редактор), Е.Н. Мощелков, Л.В. Поляков (председатель),
М.В. Ремизов, А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 4. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2017. – 288 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» посвящен феномену русской интеллигенции: осмыслению ее роли в истории России, осознанию ее миссии, а также рефлексиям на эти темы в сборниках русской интеллигенции, традицию которых заложили «Вехи».

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации Альманах “Тетради по консерватизму”», 2017
© Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2017

Содержание

Леонид Поляков
Слово к читателю
7

Раздел первый

Интеллигенция: в поисках смысла

А.М. Руткевич
Сумерки интеллигенции
11

В.А. Щипков
Похищение традиции и секулярное пастырство
29

Е.С. Холмогоров
Поминки по полупросвещению
45

Д.А. Юрьев
Антинарод
65

В.В. Ванчугов
От Бакунина к Блоку: революция как искушение
90

В.В. Аксючиц
Орден Русской интеллигенции
98

Раздел второй

Интеллигенция: «Вехи» и веховцы

М.А. Маслин
Три манифеста: вехи интеллигентского сознания XX века
121

А.А. Ширинянц
Сборник «Вехи» и новая миссия интеллигенции
137

Н.К. Гаврюшин
От «Вех» до «Исхода к Востоку»
150

А.А. Гапоненков
Н.Г. Чернышевский и веховцы
162

М.А. Колеров
Петр Струве в 1905-1908 годах: культура и социал-либерализм
170

А.А. Чемакин
П.Б. Струве и В.В. Шульгин: история взаимоотношений и сотрудничества
186

М.А. Колеров
С.Н. Булгаков редактирует «Из глубины»:
«На пиру богов» (1918 – 1920)
197

А.А. Тесля
С.Н. Булгаков: выход в историю
201

И.Б. Орлов
Октябрьский переворот в оценках меньшевистской интеллигенции (конец 1917 – начало 1918 года)
211

Раздел третий

Интеллигенция: личный счет

А.С. Ципко
Библия русскости: о гуманистической глубине «веховской» идеологии
225

С.В. Перевезенцев
Феномен «Русской печали»
252

Б.В. Межуев
«Творческое самосознание» Михаила Гершензона в истории моего поколения
267

А.П. Козырев – А.В. Щипков
Выйти из череды разрывов
277

http://dx.doi.org/10.24030/24092517 -2017-0-4-45-64

Егор Холмогоров

ПОМИНКИ ПО ПОЛУПРОСВЕЩЕНИЮ «Вехи», «Из-под глыб» и идеология Солженицына

Александр Солженицын был, без преувеличения, самым политически успешным писателем в мировой истории. Были, разумеется, монархи-поэты, хотя никогда их дарования не были по-настоящему исключительными. Были удостоенные Нобелевской премии по литературе политики, как Уинстон Черчилль. Были литераторы, дослужившиеся до тех или иных государственных постов, как веймарский премьер-министр Гёте. Однако слово только одного из по-настоящему крупных писателей сотрясало континенты и находилось в центре глобальных политических процессов, меняя их ход на тектоническом уровне. Только одному писателю удалось оставить своей нации развернутую идеологическую и политическую программу, которая с его кончиной становится не менее, а более актуальной. И это Солженицын.

Сегодня мы в России, нравится кому-то или нет, входим в политическую эпоху, определяемую именно мыслью и словом Солженицына. Причем не того Солженицына, который представлен в официозных интеллигентских хрестоматиях и вывернутым наизнанку вариантом которого является «враг народа Солженицын» как неизменный объект неокоммунистических истерик. Политическим фактом становится как раз подлинный Солженицын, собранный из его подлинных текстов – романов и рассказов, статей, речей и интервью.

Одни формулы писателя стали официальной частью государственной политики, как «сбережение народа». Другие являются политическим фактом, как реализация его призыва к учреждению в России национального авторитаризма вместо слепого копирования западных многопартийных демократий. Третьи, как его стремление к развитию земств, «демократии малых пространств» еще ждут своего часа.

Дозревание нашего общественного и политического сознания до многих солженицынских тезисов происходит прямо на глазах. Много лет Александр Исаевич указывал на то, что страшнейшим и пагубнейшим событием русской истории были церковные реформы, спровоцировавшие старообрядческий раскол. Не было ничего нелепей, чем борьба против вернейшей православию и трудолюбивейшей части народа. Сегодня мы видим и в государстве, и в Церкви осознание необходимости исцелить ту старую рану.

30 августа 1991 года Солженицын написал президенту Ельцину письмо, призывая его отказаться от автоматического признания советских административных границ государственными. Полтора десятилетия писатель подчеркивал, что рассматривать Крым и Севастополь как Украину – нелепо, да и восточным украинским областям, Новороссии, не худо бы дать высказаться на референдумах, с кем они хотят быть. Неприятие стремления «поссорить родные

Холмогоров Егор Станиславович, публицист, главный редактор интернет-журналов «Русский обозреватель» и «Новые хроники». E-mail: holmogorow@yandex.ru

народы», воплотить проект Украины как анти-России проходит сквозь всё творчество Солженицына, усматривавшего в себе и русские (Солженицыны), и украинские (Щербаки) корни. Все это казалось ушедшим на третий план на момент его кончины, однако с 2014 года мы живем в реальности, где обозначенные писателем ориентиры для нас особенно важны.

Одной из тревог Солженицына была судьба единства России, несправедливость того типа федеративного устройства, который угрожает «парадом суверенитетов», нелепость договоров центра и республик, недопустимость дискриминации русского языка. Солженицын одним из первых забил тревогу по поводу американского закона «О порабощенных нациях», где Россия называлась «оккупирующей» некие «Идель-Урал» и «Казакию». И вновь мы сегодня ощущаем, как солженицынское наследие становится для нас остроактуальным.

Доминируют не только идеи, но и конкретные исторические оценки писателя. Именно он поднял на щит как государственного деятеля Столыпина. И сегодня Петр Аркадьевич стоит в центре русского политического канона. Солженицын же обратил внимание на фигуру Парвуса в истории нашей революции. И вот уже без подсвечивания вклада этого международного авантюриста не обходится ни один рассказ о русской катастрофе. Разве что к императору Николаю II наша эпоха оказалась настроена гораздо теплее, чем Солженицын, отношение которого, впрочем, тоже проделало все более приближавшую его к монархизму эволюцию.

Иногда кажется, что слову Солженицына покоряется даже природа. Провозглашенное им обращение к русскому Северо-Востоку, установка на освоение его трудных пространств, казалось, когда оно впервые было сформулировано, утопичной мечтой. На слова: «Мы, Россия – северо-восток планеты, и наш океан – Ледовитый, а не Индийский», резонно отвечали, что океан потому и Ледовитый, что там лед, а вечная мерзлота для жизни не приспособлена. И вдруг – ускоренное очищение Арктики ото льда вызывает международный геополитический ажиотаж, уже идут разговоры о необходимости интернационализации Севморпути, и то, что вовремя не был услышан призыв писателя о необходимости освоения Севера, может дорого обойтись. Впрочем, лучше поздно, чем никогда.

Солженицынское наследие является не только русским, но и всепланетным политическим явлением. Кто как не он в «Гарвардской речи» оповестил Запад о том, что тот не одинок на планете, что цивилизации, подсчитываемые западными историками и культурологами, – это не просто декоративные элементы, а живые исторические миры, ни одному из которых не может быть навязана западная мерка. И Россия входит в число этих исторических миров как уникальная цивилизация. Да и сама западная мерка, далекая от былой высоты христианской цивилизации, подвержена оказалась духовной коррозии. Этот прогремевший некогда солженицынский тезис о невозможности глобалистского конца истории переоформила на себя западная политология в лице Хантингтона, взяв на вооружение концепцию «столкновения цивилизаций». С другой стороны, именно он лег в основу российской внешней политики после «Мюнхенской речи».

Опубликованный на Западе «Архипелаг ГУЛАГ» произвел грандиозную детоксикацию западных элит от отравления коммунизмом – «опиумом интеллектуалов» (как выражался Раймон Арон). Другое дело, что этот поворот не дал им прививки от породившего большевизм воинствующего атеизма. Либеральный антикоммунизм закономерно привел к торжеству коммунизма в новом, модернизированном обличье «культурного марксизма», – левого феминизма, разнузданной «толерантности», расистского «антирасизма», построению настоящего ЛГБТлага. Однако и эта перспектива была предсказана Солженицыным, предположившим, что в определенный момент покончившая со своим коммунистическим тоталитаризмом Россия в ужасе будет смотреть на торжество построенного либералами «коммунизма» западного.

Но в центре внимания и забот Солженицына всегда оставался не мир, не абстрактное человечество, а русский народ. Он писатель с, пожалуй, наиболее обостренным и сознательно выработанным чувством национального из всех, кого прославило перо во второй половине XX века. Его противостояние коммунизму невозможно понять без учета главного мотива: русский народ не может и не должен быть средством ни для каких утопий и экспериментов, коммунистических ли, прогрессистских ли. Политические проекты, которые вместо сбережения народа превращают его в расходный материал – для империи, для мировой революции, для торжества индустриализма или космической гонки, в равной степени Солженицыну неприемлемы. Хорошо то, что умножает и улучшает русскую народную жизнь, а то, что к этой главной цели не ведет, то дурно.

Его бескомпромиссный, убежденный антикоммунизм и готовность сокрушить красную власть любой ценой связаны именно с глубокой убежденностью в том, что западническая марксистская утопия привела к колоссальной кровавой растрате народных сил, к выработке отношения к русскому человеку как к винтику и сырью, к прекращению органического развития страны и в духовной, и в хозяйственной сферах. Лейтмотив его книг – не только показать тот урон, который наносит коммунистическая диктатура жизни и душе русского человека, но и открыть силы сопротивления, свободу, таящуюся в этой душе.

Но он столь же беспощаден как к коммунизму, так и к западнической да и просто западной русофобии. Именно он клеймит отчужденную от традиции и корней интеллигенцию кличкой «образованщина». Он возвращает в актуальный политический лексикон понятие «русофобия» (которое вскоре оформит в целостную теорию его ближайший соратник Игорь Шафаревич) и формулирует определение этой русофобии: рассмотрение исторической России как отсталой «страны рабов» и утверждение, что советская система является естественным продолжением исторической русской государственности – московской и петербургской – тоже базирующейся якобы на попрании человека и жестокости. В полемике с русофобами Солженицын формулирует тезис о нормальности дореволюционного исторического пути России и категорически отвергает не только большевизм, но и феврализм как плод нигилистического желания переделать и перетрясти Россию, в сущности не зная ее.

Солженицын противостоит как словесным кривляниям ненавидящих «эту страну» плюралистов, так и холодной убежденности западных политологов и политиков в том, что главным врагом Запада является не коммунизм, а как раз русские. Солженицын публично обличает планы американских генералов в случае войны с Россией прицельно бомбардировать именно русское население и сам постепенно осознает не только свое, но и русского народа положение как «зернышка промеж двух жерновов» – коммунистического и западно-либерального.

Но ясно для него и то, что оба эти жернова, в сущности, части одной адской машины по обезбоживанию человека – антихристианского «гуманизма». Коммунизм и либерализм лишь братья, произведенные на свет идеологией Просвещения, ведущей человека по катастрофическому пути поклонения Материи вместо Духа, что неизбежно ведет и к замусориванию и деградации самой материи. Солженицын выступает с последовательной и развернутой доктриной анти-Просвещения. Возвращение к Богу, добровольное самоограничение и самостеснение человека, память об обязанностях вместо разгула «прав», приоритет внутренней свободы и недопустимость принесения народной жизни в жертву не только ради тоталитарной утопии, но и ради разгула свободы. Доктрина Солженицына – одна из наиболее последовательных и политически четких консервативных философий, сформулированных за последние столетия. Тем более что дуэль Солженицына с призраками Вольтера и Руссо продолжается и после его смерти, причем счет по-прежнему в пользу русского писателя.

Именно деятельности Солженицына по недопущению конвергенции советской и западной систем, по нравственной компрометации коммунизма и пробуждению на Западе духа радикального противостояния красному злу, по критике либеральных начал самого Запад и его лицемерного гегемонизма, наконец, усилиям вернувшегося на родину писателя по нравственной консолидации России на национальной, консервативной, народнической, критической по отношению и к западничеству и к неокоммунизму платформе – всему этому глобальный просвещенческий проект обязан тем кризисом, в котором он пребывает сегодня.

Причем это не только идеологический, выражающий себя во все более тоталитарном либеральном саморазрушении западной цивилизации, но и геополитический кризис, выразившийся в том, что бывшая некогда центром мирового коммунизма, то есть одного из полюсов Просвещения, Москва на глазах превращается (если не уклонится, конечно, от солженицынских заветов и этого пути) в своего рода Ватикан, или, если угодно, Мекку консерватизма. Именно здесь центр защиты образа человека в его традиционном христианском понимании.

Добился такого положения дел Солженицын при помощи тонкой и во многом парадоксальной стратегии. И первой пробой этой стратегии, манифестом нового русского традиционализма стал сборник «Из-под глыб», составленный Солженицыным и Шафаревичем. Именно для него впервые были сформулированы ключевые тезисы и установки, которые станут впоследствии фундаментом доктрины Солженицына. Именно здесь обозначен круг работ и проведено различение идейных друзей и врагов, которое сохранит актуальность для всей дальнейшей солженицынской публицистики.

Водораздел русской мысли

«Из-под глыб» является, несомненно, наиболее ярким продолжением веховской традиции. Более того, можно сказать, что именно Солженицын оказался подлинным идейным наследником «Вех», тем более что даже многие из самих веховцев от этого наследства так или иначе отреклись (наиболее характерен случай Бердяева, который даже не упоминает сборник в своем «Самопознании»).

Преемство закреплено уже в названии. «Из-под глыб» это следующий шаг после «Из глубины». Не расставив верно вехи, Россия оказалась сброшена на самую глубину, в бездну революции, а затем большевицкий режим навалил сверху тысячетонные глыбы. ««“Вехи” и сегодня кажутся нам как бы присланными из будущего», – подчеркивает писатель, и он дерзновенно осуществляет «реставрацию будущего» «Вех», притязая одновременно и на их антиреволюционное содержание, критическое по отношению к прогрессистским суевериям русской интеллигенции, и на их религиозно-философскую глубину.

Солженицын сразу презрительно отвергает притязания «сменовеховства» на преемство «Вехам»: «…название книги, эксплуатированное другою группой авторов («Смена вех») узко политических интересов и невысокого уровня, стало смешиваться, тускнеть и вовсе исчезать из памяти новых русских образованных поколений, тем более – сама книга из казенных советских библиотек». Сменовеховский контракт с коммунистической властью «во имя блага России» он решительно отвергает в «Архипелаге», сперва указав на расправу власти над аполитичными инженерами-патриотами, а затем отчеканив формулу разрыва: «С *вами* мы не русские!».

Однако сам солженицынский сборник является ответом на другую попытку похищения преемства «Вехам» – сборник, получивший условное название «Метанойя». В № 97 одного из важнейших изданий русского зарубежья, «Вестника РСХД» за 1970 год, был опубликован цикл подписанных псевдонимами самиздатских статей, содержавших яростные

нападки на «русский национальный мессианизм» и обещавших скорый пристрастный суд над ужасающими грехами России. Редактор «Вестника» Никита Струве (внук веховца) поспешил в предисловии окрестить это выступление по сути новыми «Вехами»[1].

Авторами статей были сформировавший сборник искусствовед Евгений Барабанов, написавший под псевдонимом «N.N.» заглавную статью «Metanoia» и под псевдонимом «В. Горский» статью «Русский мессианизм и новое национальное сознание», философ и писатель Владимир Кормер, написавший под псевдонимом «О. Алтаев» статью «Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура» и будущий священник Михаил Меерсон-Аксенов, под псевдонимом «М. Челнов» написавший статью «Как быть?». Все трое принадлежали к кругу священника Александра Меня, знаменитого «миссионера для интеллигенции», и потому критики этого выступления, принадлежавшие к патриотическому лагерю, подозревали, что выступление инспирировано именно им[2].

Подготовкой материалов 97-го номера начался длительный период сотрудничества Евгения Барабанова с Никитой Струве, благодаря которому «Вестник» стал на регулярной основе пополняться самиздатскими материалами из СССР. Барабанов сыграл и значительную роль в упрочнении связей Солженицына с Западом, на протяжении нескольких лет выступая для писателя настоящим «окном в Европу»[3].

Особенно парадоксальной ситуация стала в 1974 году, когда под своей фамилией Барабанов принял участие в сборнике «Из-под глыб», в центральной статье которого Солженицын подверг жесточайшему разносу его статьи из «Метанойи», опубликованные под псевдонимом «В. Горский». Трудно не согласиться с исследователями, видящими в этом раздвоении одно из проявлений нарождающегося у советской интеллигенции постмодернистского сознания [4]. Андрей Колесников утверждает, что «узнав о том, что этот участник сборника и скрывался под псевдонимом В. Горский, Солженицын фактически прекратил с ним отношения» [5].

Мемуары самого Солженицына такую радикальную версию не подтверждают, обычно резкий в оценках живых и умерших, с которыми разошелся по тем или иным причинам, здесь Солженицын никакого недовольства Барабановым не высказывает и представляет появление вызвавшего его полемический отклик номера как нечто вполне нормальное и ему ведомое, тем более что именно Барабанов и связал Солженицына со Струве, ставшим его издателем.

Однако неприятие самого сборника, опубликованного Струве, было вполне определенным. Он произвел в русском патриотическом самиздате эффект разорвавшейся Бомбы. «Сборник статей в “Вестнике” № 97 вызывает возмущение у меня, затем и статья “Телегина” в № 103, оскорбительная к русскому, а редакция никак не комментирует и не отстраняется. Ошибка зрения из Парижа: они не видят, как в самиздате безответственно и несамоконтрольно пыхнуло против России. Горячо пытаюсь объяснить это Никите, посылаю ему, не для публикации, лишь для него самого, вариант своей ответной статьи. Но он отвечает благодушно: “Мне многое в этих статьях было не по душе, но я в них видел первую попытку на хорошем уровне что-то осмыслить в происшедшем. Зачарованность

[1] «Они не случайно перекликаются с “Вехами”, даже если не достигают уровня этого исторического сборника. И именно, как в “Вехах”, трудность статей не только в изложении, она и нравственного порядка. Не всем будет легко принять это беспощадное прикосновение к язве, поразившей Россию, этот призыв к отказу от всякой национальной гордости, будь она даже религиозно оправдана» [1, с. 1].

[2] Геннадий Шиманов даже ошибочно считал, что все статьи сборника были написаны под разными псевдонимами лично о. Александром [2]. Солженицын более точно отмечает, что «сплотка статей» в № 97 «Вестника» родилась из усилий направляемого о. Александром семинара, но не более того [3, с. 47].

[3] Подробно о сотрудничестве с Барабановым Солженицын рассказал в Пятом дополнении к «Бодался телёнок с дубом», называвшемся «Невидимки» [3, с. 47–49].

Западом у них от молодости и неопытности. Не жалею, что дал им высказаться". Не понимает опасности зреющего раскола» [3, с. 53].

Раскол действительно случился нешуточный. В «Вестник» хлынул поток возмущенных писем самиздатских публицистов патриотического направления. Крайне резкое письмо написал Геннадий Шиманов, оно не было опубликовано Струве, но от Шиманова было получено еще одно письмо, которое все же пришлось опубликовать [6, с. 319–323]. Затем последовал целый комплекс публикаций-возражений со стороны членов христианского кружка Владимира Осипова, сформировавшегося вокруг журнала «Вече»: В.А. Капитанчук (псевдоним «В. Прохоров»), В.И. Прилуцкий (псевдоним «Л. Ибрагимов»), Ф.К. Карелин (псевдоним «К. Радугин») [7, с. 304–308; 8, с. 309-314; 9, с. 315–319]. Журнал «Вече» стал своеобразным ответом в самиздате на интеллектуальную провокацию «Метанойи».

Сам Владимир Осипов в тот же полемический блок «Вестника» прислал страстную декларацию: «Я абсолютно убежден в том, что нет иного выхода из нравственного и культурного тупика, в котором оказалась Россия, как опора на русское национальное самосознание, самосознание народа многочисленного, творческого и государственного. А сегодняшнему спившемуся забулдыге надо сказать: "Ты – русский. У тебя великая история и великая культура. Своим поведением ты оскорбляешь прадедов. Встань и умойся". Наш т.н. "национализм" охранительный, это реализация инстинкта самосохранения исчезающей нации. Да! Это страшно звучит, но русская нация может исчезнуть. Во-первых, нравственно и культурно. Во-вторых, наш народ исчезает количественно: современная русская женщина рожает не более 1–2 детей. Я считаю, что даже проблема прав человека в СССР МЕНЕЕ важна в данную историческую минуту, чем проблема гибнущей русской нации» [10, с. 295].

Наконец в полемику с авторами «Метанойи» вступил на страницах самиздатского «Веча» писатель-националист и политзаключенный Леонид Бородин, заметивший о вековских притязаниях авторов «Метанойи»: «Мандат о преемственности, видимо, определил в значительной степени и решительность, и категоричность формулировки и выводов, тон и стиль изложения и... легкомысленную небрежность, которая, прежде всего, выразилась в присвоении себе мандата на преемственность» [11].

Выход солженицынского сборника «Из-под глыб» был, таким образом, финальным аккордом полемики почвенников против «Метанойи». Впрочем, и в «Русофобии» И.Р. Шафаревича цитаты злосчастного № 97 «Вестника» займут достойное место в качестве образцовых русофобских высказываний.

Почему же эта группа статей оказалась настолько провокационной? Наибольший скандал и наиболее резкую отповедь вызвали публикации Барабанова-Горского. Некоторые их пассажи, такие как утверждение «Россией принесено в мир Зла больше, чем любой другой страной», вошли в «золотой фонд» русофобских высказываний.

В своих статьях Барабанов выступает эпигоном бердяевских «Истоков и смысла русского коммунизма» с их центральным тезисом, что коммунистический мессианизм представляет собой продолжение русского православного мессианизма. Нумерологические фокусы, превращали «Третий Рим» в «Третий интернационал». «Коммунистическая власть есть не внешняя сила, но органическое порождение русской жизни» [12, с. 6]. «Хотя революционная борьба и революция проходили под знаменем интернационализма, тем не менее, главным ее содержанием была "русская идея" – идея "нового слова", которое должна была сказать Россия всему миру и которое она к его и своему несчастью сказала» [13, с. 50]. «Злобный шовинизм русского государства» [13, с. 51]. «Великороссия питала большевизм больше, нежели какая-либо другая почва» [13, с. 51].

Барабанов-Горский, по сути, вывернул наизнанку логику сменовеховцев и Бердяева. Если те пытались рассмотреть большевизм как исторический русский продукт в целях

его апологии, то он, имея данностью безусловно отрицательную оценку коммунизма как абсолютного зла, попытался возложить ответственность за это зло на Россию и русских.

Солженицын в своей критике так характеризует дискурсивную эквилибристику этой статьи:

> «Сперва с дутым академизмом прослеживается “история” злосчастного бессмертного мессианизма, который, однако, почему-то пребывал в России не всегда: два века (с XV по XVII) наличествовал, потом два века отсутствовал, потом в XIX веке опять возник (будто бы “захватывал интеллигенцию” – кто помнит такое?), в революцию прикинулся “пролетарским мессианизмом”, а в последние десятилетия совлек маску и снова открылся как русский мессианизм. Так на пунктире, в натяжках и перескоках, идея Третьего Рима вдруг выныривает в виде... Третьего Интернационала! С ненавидящим настоянием по произволу извращается вся русская история для какой-то всё неулавливаемой цели – и это под соблазнительным видом раскаяния! Удары будто направлены всё по Третьему Риму да по мессианизму, – и вдруг мы обнаруживаем, что лом долбит не дряхлые стены, а добивает в лоб и в глаз – давно опрокинутое, еле живое русское национальное самосознание» [14, с. 133].

Для Солженицына, на протяжении всей своей деятельности занятого прежде всего попыткой растождествить Россию и коммунизм, исключить возложение на русский народ вины за преступления большевизма, показать и доказать, что никому коммунизм не принес столько зла, сколько русским и никто столько не сопротивлялся ему, сколько русские, формулы «В. Горского» были, конечно, манифестом абсолютного врага. Заявлением той позиции, которую он не принимал и принять не мог. Поэтому его критика убийственно беспощадна.

«Статьи совершают похороны России со штыковым проколом на всякий случай – как хоронят зэков: лень проверять, умер ли, не умер, прокалывай штыком и сбрасывай в могильник» [14, с. 131]. «Наш бесчеловечный опыт, который мы перенесли в основном собственной кровью и кровью роднейших нам народов, – может быть, и пользу принес кое-кому на Земле подальше? Может быть, научил кое-где правящие тупые классы в чем-то уступить?» [14, с. 131–132]. «Если народ оказался мнимой величиной – тогда он в революции и не виноват, вопреки остальным обвинениям? Если он оказался мнимой величиной – кто же тогда сопротивлялся разливистыми крестьянскими восстаниями – тамбовским, сибирским? До мнимости еще надо было его довести многолетним истреблением, согбением и соблазном» [14, с. 132]. «“Русская идея” – “главное содержание” интернационального учения, пришедшего к нам с Запада? А когда Марат требовал “МИЛЛИОН ГОЛОВ” и утверждал, что голодный имеет право СЪЕСТЬ сытого (какие знакомые ситуации!) – это тоже было “русское мессианское сознание”?» [14, с. 134]. «Найдем ли память и мужество вспомнить те первые революционные лет 15, когда “пролетарский мессианизм приобрел ярко выраженный” русофобский характер?» [14, с. 134]. «Вспомним же интернациональные силы революции! Все первые годы революции разве не было черт как бы иностранного нашествия? Когда в продовольственном или карательном отряде, приходившем уничтожать волость, случалось – почти никто не говорил по-русски, зато бывали и финны, и австрийцы?» [14, с. 135]. «Замечает Горский, что году в 1919-м границы Советской России примерно совпадали с границами Московского царства, – значит, большевизм в основном поддержали русские... Но ведь эту географию и так можно истолковать, что русские в основном вынуждены были принять его на свои плечи, и только?» [14, с. 135].

Главной целью выпадов авторов «Метанойи» являлось не столько прошлое, сколько настоящее, возрождение русского национального сознания, пошедшее в СССР как в подсоветских (феномен «русской партии», литература деревенщиков), так и в антисоветских

(Солженицын и Шафаревич, Леонид Бородин) формах. Среди этих новых национальных течений были и такие, в которых можно было уловить отголоски того самого национал-мессианизма. Однако созвучие между ними и критикой «Метанойи» вызывано прежде всего общностью первоисточника – «Истоками…» Бердяева, которые возможно, в зависимости от намерения, прочесть либо в национал-коммунистическом, либо в русофобском ключе.

Солженицын закономерно прочел «Метанойю» именно как атаку на возрождение русского национального самосознания как такового: «Группа статей в № 97 – не случайность. Это, может быть, замысел: нашей беспомощностью воспользоваться и вывороти новейшую русскую историю – нас же, русских, одних обвинить и в собственных бедах, и в бедах тех, кто поначалу нас мучил, и в бедах едва ли не всей планеты сегодня… Кто начинает раскаиваться первым, раньше других и полней, должен ждать, что под видом покаянщиков слетятся и корыстные печень твою клевать» [14, с. 136].

Случилось так, что эпигонские по отношению к работам Бердяева статьи Барабанова обнажили важнейший водораздел в русской общественной мысли и историософии.

По одну сторону этого водораздела все те, кто полагает большевизм очередным воплощением исторической русской власти, берущей начала в Московской Руси, а все черты ленинско-сталинской диктатуры – беспощадность к своему народу, крайний деспотизм, пренебрежение свободой и собственностью, идеологический фанатизм и международный экспансионизм, – это проявление в координатах XX века генетического кода «Москвы». Здесь неожиданно в одном ряду оказываются правые и левые – Николай Бердяев и Ричард Пайпс, неосталинист Андрей Фурсов (со знаком оценки этого единства в «плюс») и национал-демократ Сергей Сергеев (взяв теорию Фурсова и вывернув ее на минус).

По другую сторону – значительно менее экспансивная группа тех, кто воспринимает большевизм как исторический провал, как катастрофу в истории России, когда она лишилась характера русской национальной государственности, возможности исполнения своей истинной миссии – хранения Православия и сбережения русского народа. Высматривание в историческом прошлом России признаков большевицкого тоталитаризма и выделение некоего мнимого варианта «антинародной деспотической российской власти» эта группа расценивает как пристрастную манипуляцию историческими фактами, клевету на русское прошлое. На этом фланге мы можем обнаружить Ивана Солоневича, Ивана Ильина, Александра Солженицына, Игоря Шафаревича.

Россия как сгусток какой-то темной апокалиптической энергии, как мешанина кровавых костей в красном колесе, несущемся то ли чтобы исполнить высшие судьбы мира, то ли чтобы преподать ему постыдный урок того «как нельзя», – против России как осуществления права нации на историческую жизнь и укоренение этой жизни на трудных пространствах, если и миссии, то не с апокалиптическим надрывом, а с ясным свидетельством о хранимом в предании Церкви христианском откровении, если и урок Западу, то в том, чтобы пережить первой антихристово испытание, каковое «средним европейцам» еще предстоит.

Все русские мыслители и общественники последних эпох располагаются либо по одну, либо по другую сторону этого водораздела. Молодой самиздатовский публицист оказался в нужное время в нужном месте и ненароком дотронулся до обнаженного нерва русской мысли.

Впрочем, этим публицистические достижения Барабанова не ограничились. Во вступительной ко всему сборнику статье «Metanoia» под псевдонимом «N.N.» он оставил имевшее своеобразную судьбу высказывание о центральной проблеме «Вех» – русской интеллигенции. «Интеллигенция как на наковальне: вверху аппарат насилия и лжи, внизу – агрессивная по отношению к культуре и свободе “масса”, состоящая из мелких служа-

щих, отнюдь не связанных с землею крестьян, рабочих (отнюдь не пролетариев), низших офицерских чинов и прочих категорий полуобразованных или малообразованных мещан, представляющих собой по своим взглядам, привычкам и рефлексам классический тип homo sovieticus'a» [12, с. 4].

Даже по количеству слов, потраченных на описание двух сминающих интеллигенцию сил, – пять к сорока пяти, становится очевидно, какую из опасностей автор этой формулы считал более грозной и неприятной. Куда там аппарат насилия, где в конце-то концов сидят интеллигентные чекисты, против массы «низших офицерских чинов» (представим, каково про эти чины было читать капитану Солженицыну)!

Образ наковальни восходит к Вацлаву Воровскому, в его очерке о Леониде Андрееве заявившему: «С конца 90-х годов, когда начал писать Л. Андреев, русская интеллигенция рассматриваемого типа оказалась между молотом и наковальней. С одной стороны, стояла древняя сила, всегда пугавшая и удручавшая интеллигенцию, с другой стороны – выросла новая сила, рабочий класс, в котором интеллигенция рада была бы (и когда-то рассчитывала) усмотреть носителя ее желаний, но с которым она разошлась, как только этот класс стал действительной "силой"» [15, с. 209].

Но, конечно, куда больше здесь эмоционального влияния «Вех» и знаменитой формулы Гершензона (по совести – единственной из «Вех», что многие помнили, хотя соавторы по сборнику, в частности П.Б. Струве, совершенно ее не разделяли): «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [16, с. 92].

Эта формула знаменитого веховца (ставшего позднее чиновником советского Наркомпроса) создала для интеллигенции коридор возможностей сложить ответственность за революцию с себя на народ, представить большевицкий террор против интеллигенции не как «горькое мучительство безбожныя власти», а как ту самую «ярость народную». В столкновении помянутых некогда Ахматовой двух Россий это позволило интеллигенции безоговорочно отождествить себя с «Россией, которую сажали», а народные массы отнести к «России, которая сажала».

Русский народ оказался возведен на положение силы, систематически преследующей интеллигенцию. Исторических примеров такого преследования указать практически невозможно. Народ не преследовал ни Пушкина, ни Некрасова, ни Толстого, ни даже Чернышевского, ни Менделеева, ни Ключевского.

Весь «конфликт интеллигенции с народом» в русской истории сводится к двум эпизодам – избиению охотнорядцами участников студенческой манифестации в честь террористов-народовольцев 3 апреля 1878 года и массовому «охотнорядству» по всей стране осенью 1905 года. «В Нежине нападению подвергся лицей. Местные жандармы телеграфировали, что черносотенцы явились в лицей, "потребовали там большой царский портрет, заставив таковой нести студентов, каковая процессия с пением гимна ходила по городу до 7 вечера"» [17, с. 482]. Однако в этих случаях не было никакого «между» – власть и представители народа здесь выступали по одну сторону, стремясь спасти от революционеров русское самодержавие. Разве что «охотнорядцы» были в тот момент много энергичнее жандармов.

Представить революцию и гражданскую войну сшибкой народа и интеллигенции тоже нет никакой возможности. Это была война двух фракций интеллигенции – радикальной большевистской, с одной стороны, и коалиции умеренных и консервативных групп – с другой, поддержанных в той или иной степени определенной частью простого народа. Одна из исторических заслуг Солженицына – пробуждение общественного интереса к феномену народного антибольшевистского сопротивления, разрушившее историческую мнимость «красный народ» против «белой буржуазии».

Наковальня оказалась на редкость добротным и универсальным оружием, а потому регулярно пускается в ход к месту и не к месту [18]. Теперь уже оказывается, что страдание интеллигенции от народа не ограничивается XX веком – мучительство длится веками: «У русской интеллигенции – особая, страдальческая судьба. Веками она плющилась между молотом власти и наковальней народа» [19]. В публицистике и сетевых дискуссиях постоянно можно встретить этот оборот с оговоркой «как говорили сто лет назад», а авторство цитаты переоформляется… ну, конечно же, на Бердяева.

Благодаря изящно сконструированному мему сборник «Метанойя» оказался не столько продолжением веховской традиции критики и самокритики интеллигенции, сколько моментом оформления позднесоветского и постсоветского интеллигентского самосознания – предельно отчужденного от «этой страны» и ее народа, погруженного в самодовольство обладания высшей культурой, переполняемого презрением «небыдла» к «быдлу». По сути, это попытка произвести антропологическое самоотчуждение от народа при помощи стигматизации его ярлыком «homo sovieticus» (вскоре это слишком ученое ругательство сменится примитивным – «совки»).

И снова была сформулирована абсолютно неприемлемая для консервативного народничества Солженицына позиция. Возлюбленные дети советского строя, плоть от плоти номенклатуры (Барабанов был сыном директора советского военного завода), имеющие непыльную работу пропагандисты и агитаторы, перевешивали вину за революцию на «птичницу в курятнике» и презрительно вытирали об нее ноги.

Стратегией писателя оказалась встречная стигматизация, обогатившая русский язык одним из самых знаменитых солженицынских неологизмов – «*образованщина*». Этим термином описывался социальный продукт, полученный из дореволюционной интеллигенции, описанной в «Вехах», при помощи следующих трансформаций: расширение понятия интеллигенции на техническую, пополнение ее рабфаковцами, сталинские кровавые чистки «спецов», формирование поколения интеллигентов полностью советской выучки и, наконец, включение в число интеллигенции всех совслужащих, всей советской номенклатуры. Солженицын использует формулу С.Н. Булгакова из «Вех»: «интеллигенция в союзе с татарщиной... погубит Россию» [16, с. 30][1].

Двоемыслие просвещения

Чтобы суммировать свой приговор образованщине с былым приговором «Вех» Солженицын выделяет общие черты обеих формаций образованного слоя: «Нет сочувственного интереса к отечественной истории, чувства кровной связи с ней. Недостаток чувства исторической действительности… За все происходящее отвечает самодержавие, с каждого же интеллигента снята всякая личная ответственность и личная вина. Преувеличенное чувство своих прав. Претензия, поза, ханжество постоянной “принципиальности” – прямолинейных отвлеченных суждений. Надменное противопоставление себя – “обывателям”. Духовное высокомерие. Религия самообожествления, интеллигенция видит в себе Провидение для своей страны» [20, с. 220–221].

Впрочем, отчасти противореча сам себе, Солженицын тут же вступает в полемику с автором другой статьи сборника «Метанойя» – Владимиром Кормером (О. Алтаевым) утверждавшим: «никто… не был до такой степени, как русский интеллигент, отчужден от своей страны, своего государства, никто, как он, не чувствовал себя настолько чужим – не

[1] Солженицын делает характерный пропуск – у Булгакова говорится «которой еще так много в нашей государственности и общественности», что в общем-то является стандартным топосом антисамодержавной и, пожалуй, русофобской риторики, которой не были чужды авторы «Вех». Солженицын же под «татарщиной» разумеет большевизм и коммунистическую систему.

другому человеку, не обществу, не Богу – но своей земле, своему народу, своей государственной власти» [21, с. 13–14].

Только что описав признаки, характерные именно для указанной Кормером отчужденности, Солженицын тем не менее полемизирует: «можно возразить, что дореволюционная интеллигенция (в «веховском» определении) именно сознания отчужденности от своего народа не имела, напротив, уверена была в своем полновластии высказываться от его имени; а интеллигенция современная вовсе не отчуждена от современного государства» [20, с. 220–221].

Солженицыну, несомненно, принадлежит социальная и публицистическая правда – интеллигенция-образованщина была важнейшим винтиком советской тоталитарной машины и, нравилось это ей или нет, важнейшим инструментом насилия над душой и телом русского народа. Именно устами интеллигентов-образованцев велась атеистическая пропаганда, именно их руками создавались чертежи убивавших пашню плотин и жизнеулучшающие проекты геноцида русской системы расселения – «ликвидации неперспективных деревень», именно они изготовляли тонны лжи на минувшие эпохи исторической жизни России, очерняя царей, князей, бояр, описывая жизнь народа как бесконечную чреду унижений и страданий. Образованщина была плотью от плоти коммунистической системы, лишь усугубляя свой грех самопревознесением над народом, восприятием себя как культурной элиты, фигой в кармане вместо «жизни не по лжи».

Но работа Владимира Кормера (О. Алтаева) «Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура» – это, несомненно, интересный памятник философской критики интеллигентского сознания изнутри. Кормер ощутил вызревание внутри советской образованщины того монстра, который перерастет и переживет советскую систему и продолжит свой разрушительный путь тогда, когда красный дракон издохнет.

Для описания сознания советской интеллигенции Кормер применяет интеллектуальный инструментарий франкфуртской школы, почти неизвестный тогда даже образованному советскому читателю. Как и Барабанов, он отчасти эпигон, но эпигон утонченный – его текст является парадоксальной попыткой рассмотреть советскую интеллигенцию через оптику «Диалектики просвещения» Адорно и Хоркхаймера.

Кормер констатирует буржуазность современной советской интеллигенции, которую вскоре в художественной форме ярко выразит в своих произведениях Юрий Трифонов. «Буржуазность в манерах, в одежде, в обстановке квартир, в суждениях… Интеллигенция сегодня стремится к обеспеченности, к благополучию и не видит уже ничего плохого в сытой жизни. Наоборот, она страдает, когда ее спокойствие и размеренный порядок бытия вдруг нарушаются. Своя квартира, возможность роста по службе, диссертация – вот необходимый минимум… Идеалом для него является жизнь его американского или европейского коллеги, свободного, хорошо оплачиваемого специалиста, который вынужден, правда, работать значительно напряженней, чем работает интеллигент здесь, в России, но зато имеет собственный автомобиль, коттедж, семью из четырех детей, неработающую жену и может путешествовать по всему миру» [21, с. 10].

Те же буржуазные черты улавливает в образованщине и Солженицын, но оценивает их в координатах совсем другой этической системы. Для него это не подражатели западных интеллектуалов, а, по сути, лагерные «придурки», обслуживающие начальство. Повадки и материальные стратегии образованщины Солженицын описывает выпуклыми гротесковыми чертами, упрекая ее в «корыстной погоне за лучшими и большими ставками, званиями, должностями, квартирами, дачами, автомобилями (Померанц: “сервис – это компенсация за потерянные нервы”)… Люди, чье имя мы недавно прочитывали с киноэкранов и которые уж конечно ходили в интеллигентах, недавно, уезжая из этой страны навсегда, не стеснялись разбирать екатерининские секретеры по доскам (вывоз древно-

стей запрещен), вперемежку с простыми досками сколачивали их в нелепую “мебель” и вывозили…» [20, с. 232].

Кормеру квалификация интеллигенции как новой буржуазии необходима для того, чтобы применить к ней ключевое понятие лукачевско-франкфуртской рецепции марксизма – понятие отчуждения. «Это сознание коллективной отчужденности и делало интеллигентом» [21, с. 14]. При всем том отчужденность интеллигенции от советской власти представляется философу чем-то парадоксальным. Ведь «большевизм – это несомненно эманация интеллигенции» [21, с. 15]. Нельзя сказать, что интеллигенция отчуждена от советской власти, поскольку не приемлет зла и лжи, ведь «Интеллигентный человек» – это вовсе не синоним «честного человека» [21, с. 15].

Кормер воспринимает советскую интеллигенцию не как преемницу дореволюционной, а как продукт грандиозного деклассирования старого имперского общества, включавшего в себя дворянство, бюрократию, земство, интеллигентов-разночинцев, духовенство, капиталистов. На месте этого сложного разнообразного имперского социального космоса появилось примитивно функционализированное красной машиной общество, в котором «люди с темпераментом коммивояжеров занимаются научной работой, несбывшиеся содержатели притонов выбиваются в академики, несостоявшиеся проповедники пишут статьи в академические журналы» [21, с. 16]. Тем большего удивления, по мнению Кормера, заслуживает тот факт, что эта советская функциональная интеллигенция унаследовала от разночинцев чувство глубокой отчужденности от власти. Более того, оно в ней выкристаллизовалось несмотря на то, что некогда именно интеллигенция эту власть и породила.

Внутренние борения интеллигенции с советской властью есть борения с самой собой. Интеллигенция тематизирована властью практически без остатка – снова трудно не узнать «франкфуртский» тезис о первенстве вопроса о власти. «Проблематика власти заняла в интеллигентской психике главенствующее место, фактически став религией…» [21, с. 18]. «Породив большевизм, напитав его собою, интеллигенция, едва только он из эфирной эманации, из призрака субстантивировался, стал реальностью, сделался властью, тотчас же захотела оттолкнуться от него, тотчас же ощутила его себе внеположным… Иссушающая рефлексия на темы власти осталась неотъемлемым элементом интеллигентского сознания. Ему по-прежнему оказалось почему-то естественным мыслить в терминах «мы» и «они» – мы и власть, мы и народ, мы и Россия. По-прежнему понятия «крушения», «распада», «заварухи» определяют собою топику интеллигентского мышления. По-прежнему магической силой обладают для него слова «скоро начнется», «началось». По-прежнему интеллигент живет «социальной модой», по-прежнему не мыслит себя отдельно от всех, по-прежнему грезит массовыми движениями, оперирует языком «революционных ситуаций»» [21, с. 17].

Интеллигенция была бессильна перед советской властью, поскольку «коммунизм был ее собственным детищем… Интеллигенции нечего было противопоставить коммунизму, в ее сознании не было принципов, существенно отличавшихся от принципов, реализованных коммунистическим режимом… если вообразить, что в какой-то момент коммунистический террор был бы снят, и интеллигенция получила бы свободу волеизъявления, то вряд ли можно сомневаться, что это ее свободное движение быстро окончилось бы какой-либо новой формой тоталитаризма, установленной снова руками самой же интеллигенции» [21, с. 18].

Здесь Кормер вставляет несколько искусственные филиппики в адрес мнимого «национал-социализма», присущего советской интеллигенции, так хорошо сочетающиеся с риторикой Барабанова. Они не удивительны, если помнить первоисточник: пятую главу «Диалектики просвещения» – «Элементы антисемитизма». Любая созданная просвещением всеобщая власть по природе – антисемитка, ибо стремится подавить меньшинство.

«Самим собой овладевшее, ставшее насилием Просвещение способно само преступать границы Просвещения» [22, с. 256].

«Интеллигенция и не принимает власть, и одновременно боится себе в этом признаться, боится довести свои чувства до сознания, сделать их отчетливыми. Ибо тогда ей пришлось бы вслух назвать себя саму как виновницу всех несчастий страны за всю историю Советской Власти, пришлось бы ответить буквально за каждый шаг этой власти, как за свой собственный. Более того, интеллигенция должна была бы тогда взглянуть и в будущее, и там точно так же не увидеть ничего, кроме несчастий, вызванных ею самой» [21, с. 19].

Здесь под мрачным будущим разумеется, конечно, тот самый воображаемый «будущий национал-социализм», фантомная угроза, миф, жертвой которого стал и Солженицын, превращенный с определенного момента в главный объект травли либеральной интеллигенции. Между тем, оставив свои ученические упражнения над франкфуртскими писаниями и заглянув в будущее, Кормер мог бы увидеть подлинные несчастья, вызванные интеллигенцией: распад государственности, реки крови, задавленное интеллигентской истерией национальное сознание, ограбленное полуголодное общество, страна на грани колонизации – все это было продуктом той отчужденности интеллигентского сознания от страны и народа, с констатации которых он начал свою статью.

Следуя по стопам Адорно и Хоркхаймера, Владимир Кормер закономерно предъявляет обвиняемым главный упрек: интеллигенция виновна в том, что выступает носительницей духа Просвещения, а потому ложно видит и мир, и свое место в мире, вместо самостоятельного творчества занимается «перераспределением» знаний и культуры, выдает тонкие намеки с цитированием запрещенных авторов за головокружительную интеллектуальную смелость, пытается набросить мнимую рациональную сеть секуляризованных понятий на первозданный хаос бытия.

Кормер упрекает интеллигенцию в нарушении правильной иерархии передачи знаний: «Прежнее просветительство шло сверху вниз. Элита, в лице самого государя и приближенных, просвещала нацию, интеллигенция просвещала народ… Нынешний интеллигент… льстит себя надеждой просветить саму государственную власть, начальство!.. Мысль о просвещении народа отошла на задний план, хоть вслух и не отрицается. Просветительство, таким образом, идет снизу вверх…» [21, с. 25].

Тем самым Кормер нащупывает главное в интеллигентском просветительстве – притязание на власть. Власть над властью. Впрочем, есть ли в этом действительно что-то новое? Еще Платон на Сицилии хотел стать властью над властью. Вся же постпросвещенческая логика ставит философа выше правителя. Дидро в переписке с Екатериной хотел быть властью над властью. Так же и Карамзин, и Пушкин в своих «записках». Вся диалектика просвещения, по франкфуртцам, базируется на попытке заклясть природу знанием, а потому просвещение и есть притязание на власть высшую, чем у самой власти.

«Просветительство обычно рядится в одежды бескорыстной заботы о ближнем, – бичует Кормер. – Некто, обладающий избытком знаний, якобы великодушно делится ими со своими ближними, со своими малыми братьями, одаряет их. Но бескорыстие это лишь кажущееся. Всякое просветительство самым теснейшим образом связано с идеями об исправлении нравов. Даже более того: с идеями о спасении, посредством исправления нравов. За просветительством всегда прячется надежда секуляризованного человека, что отвлеченное знание спасет мир от хаоса. А параллельно этой надежде – леденящий душу ужас перед хаотической звериной природой падшего человека. Просветительство поэтому лишь изящный занавес, прикрывающий этот отвратительный страх, лишь заклятие; по сути дела, магическая знаковая система, позволяющая обойти, не назвать таящееся поодаль чудище. В просветительстве мало истинного света…» [21, с. 26].

Критик упрекает интеллигенцию в том, что она «лишь распределяет уже созданные блага, но не создает новые. Просветительство решает распределительную задачу» [21, с. 26]. Он иронизирует, что вера в просветительство напоминает наивную веру Энгельса, что «жилищную проблему можно легко решить, если занять особняки и квартиры, выгнав их немногочисленных сравнительно прежних владельцев» [21, с. 26]... Просветители на деле оказываются лишь распределителями знаний: «им легче заниматься просветительской уравниловкой, чем идти вперед, в неисследованные высоты. Они не хотят брать на себя ответственности сказать что-то свое, новое, построить что-то…» [21, с. 27].

Это безупречно выстроенное франкфуртское рассуждение опрокидывается назад, на всю предшествующую конструкцию. Будучи носителем просвещения, феноменом просвещения, советская интеллигенция испытывает двойное притяжение-отталкивание от коммунистической власти именно потому, что та есть продукт Просвещения, плоть от плоти его, а значит, будучи основным агентом просвещения, интеллигенция не может быть последовательным врагом коммунизма. Но в то же время интеллигенция не может в полной мере и признать коммунизм, так как в нем она видит низшую форму Просвещения, ощущая сама себя высшей формой. Интеллигенция испытывает просвещенческое притязание на то, чтобы быть властью, сковывать хаотичность мира заклятиями своих диссертаций.

Здесь вновь уместно вспомнить «Вехи» и восхваляющие интеллигенцию патетические формулы С.Н. Булгакова, полностью укладывающиеся в просветительскую парадигму: «Она есть то прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух, одновременно и живительный, и ядовитый. Ей, этой горсти, принадлежит монополия европейской образованности и просвещения в России, она есть главный его проводник в толщу стомиллионного народа, и если Россия не может обойтись без этого просвещения под угрозой политической и национальной смерти, то как высоко и значительно это историческое призвание интеллигенции, сколь устрашающе огромна ее историческая ответственность перед будущим нашей страны, как ближайшим, так и отдаленным!» [16, с. 29–30].

Именно отсюда тот парадокс направления Просвещения, который отмечает Кормер, – не сверху вниз, а снизу вверх. На самом деле, для интеллигенции «просвещение власти» – это все равно «сверху вниз», поскольку в своем отчуждении от власти она ощущает себя носителем высшего начала нежели власть, истинного просвещения. Символ веры интеллигенции – уравнение между истинным просвещением и западными, европейскими началами и мнение о себе, а не о правительстве как о «первом европейце в России».

Однако действительно ли интеллигенция в России является подлинным носителем просвещения? Не только в «веховской» традиции, но и задолго до нее это было поставлено под сомнение. Уже в полемике с идеями Французской революции, породившей якобинство (прямого духовного предка большевизма), возникло понятие о *полупросвещении*, соединяющем крайне поверхностное усвоение знаний и социально-политический радикализм. Именно на полупросвещение ранней консервативной мыслью была возложена ответственность за якобинство, нигилизм, радикализм и кровавые жестокости революции.

Плоды полупросвещения

Кормер употреблет понятие «полупросвещение» вскользь. Солженицын в «Из-под глыб» его вовсе не употребляет, хотя оно ближе всего к тому, что он вкладывает в понятие «образованщина». Однако он обращается к этому понятию в одном из наиболее яростных полемических текстов, направленных против «плюралистов», – посвященном Пушкину эссе «…Колеблет твой треножник» [23, с. 226–250]. Он цитирует данную поэтом характеристику пращура русского революционного радикализма, от которого вели свою

родословную и большевики, – Александра Радищева: *«Истинный представитель полупросвещения»*.

По характеристике Пушкина, признаками полупросвещения являются «Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему» [24, с. 217].

Как отмечают В.Э. Вацуро и М.И. Гиллельсон: «Многократно на протяжении 1830-х годов противопоставляя «дикость» и «цивилизацию», «образованность» и «невежество», Пушкин выдвигает в качестве различающего признака «уважение к минувшему», а более широко – в масштабе нации – национальное, историческое и политическое самосознание. Производным от этого положения является требование национальной специфичности культуры, «своего» вклада в историю, органического, а не внешнего усвоения инонациональных интеллектуальных ценностей» [25, с. 77].

Другими словами, в пушкинском словоупотреблении полупросвещение – это то самое отчуждение от народа, земли и государства, отмечаемое Кормером, разрыв кровной связи с отечественной историей и отсутствие чувства исторической действительности, которые выделяет в образованщине Солженицын. Отношение к национальному, традиционному, историческому, – такова грань, отделяющая истинное просвещение от полупросвещения.

Упрек в полупросвещенности, полуобразованности, полумудрости, – устоявшийся еще в XVIII веке полемический прием в споре сторонников консервативного просвещения, просвещенного абсолютизма с представителями просвещенческого радикализма. В 1790 году Екатерина II в замечаниях на книгу того же самого Радищева пишет о «полумудрецах», подобных Руссо: «Вероятно кажется, что родился с необузданной амбиции и, готовясь к вышным степеням, да ныне еще не дошед, желчь нетерпение разлилось повсюда на все установленное и произвело особое умствование, взятое однако из разных полумудрецов сего века, как-то Руссо, аббе Рейнала и тому гипохондрику подобные...» [26, с. 160]. Ее центральный тезис – полумудрость связана с амбициозностью и злостью на невозможность занять высшую степень, что ведет к умствованиям по уставу полумудрецов.

Всего четыре года спустя Карамзин, еще не заступивший толком на стезю консерватора, в «Письмах русского путешественника» теми же чертами, что Екатерина Радищева, описывает самоубийство слуги, погубленного полуфилософией: «Между разбросанными по столу бумагами нашлись стихи, разные философические мысли и завещание. Из первых видно, что сей молодой человек знал наизусть опасные произведения новых философов; вместо утешения извлекал из каждой мысли яд для души своей, не образованной воспитанием для чтения таких книг, и сделался жертвою мечтательных умствований. Он ненавидел свое низкое состояние и в самом деле был выше его как разумом, так и нежным чувством… Гибельные следствия полуфилософии! “Drink deep or taste not” – “Пей много или не пей ни капли”, – сказал англичанин Поп» [27, с. 489–490].

На не имеющем никакого политического содержания примере Карамзин обозначает антропологическую противоположность просвещения и полупросвещения. Полупросвещение тяготеет к поспешным выводам и торопливым действиям, оно ведет к мечтательности, недовольству, к протесту против низкого социального положения вместо смирения. Ему не хватает элементарной житейской мудрости. Полупросвещение порождает радикализм.

Сходную оппозицию просвещения истинного и половинчатого мы находим и у мадам де Сталь во «Введении» к «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями» (1800): «Полуразмышления, полусуждения смущают человека, не просвещая его. Добродетель и привязанность души и осознанная истина; ее нужно либо по-

чувствовать, либо понять. Но если советы вашего рассудка противоречат велениям инстинкта, не заменяя их, то вас губят не те качества, которыми вы обладаете, а те, которых вы лишены» [28, с. 71].

Здесь невозможно не вспомнить формулу хорошо известного ей Эдмунда Бёрка, о том, что предрассудки обращают добродетель в привычку. Разрушение предрассудка «полусуждениями», не кладя в основу добродетели нового рационального основания, подрывают ее бесповоротно.

Именно так видит ситуацию почитатель и биограф мадам де Сталь Реньо Варен: «Следует решительно отвергнуть мысль о том, что буйство и развращенность являются неизбежными следствиями расцвета наук. Иные люди намеренно смешивают полупросвещение, скорее приводящее к заблуждениям, чем самое глухое невежество, которое по крайней мере не растлевает сердце и не извращает ум... с просвещением истинным. Именно полупросвещение – источник разврата и постепенного упадка государств, совершенствование же отнюдь не подразумевает такого результата...» [цит. по: 28, с. 412].

Своеобразным увенчанием этой консервативной критики полупросвещения, подготовившей суждение Пушкина о Радищеве, стал манифест императора Николая I от 13 июля 1826 года, посвященный итогам процесса над декабристами, где вина за мятеж возлагается не на истинное просвещение, а на «пагубную роскошь полупознаний»:

«Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей. Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, – недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец – погибель. Тщетны будут все усилия, все пожертвования Правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам» [29, с. 705–706].

В записке «О народном воспитании» Пушкин именно эту формулу кладет в основу своей неопросветительской программы, настаивая, что «одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия» [30, с. 356].

Итак, в этом общеевропейском контексте образ «полупросвещения» используется для консервативного оппонирования радикализму, нигилизму, по сути – якобинству. Предлог «полу» позволяет оставить нетронутым фундамент просветительской программы, списав все издержки исключительно на недостаточность просвещения, его несовершенство, а не на ложность самих просветительских идеалов. Ядром зарождающейся консервативной идеологии становится просвещенческая критика полупросвещенческого радикализма.

Разумеется, оказался возможен и перехват этого понятия для радикальной критики консервативных установлений. Такой перехват пытается произвести декабрист М.Ф. Орлов в книге «О государственном кредите», где он противопоставляет «переход из уз варварства в пелены полупросвещения» древних народов, правители которых пытались сделать закон не только карателем преступлений, но и блюстителем нравственности, стремились искоренить богатство и разврат нравов [31, с. 136]. Подлинное же просвещение торжествует со времен Вестфальского мира на Западе и связано с терпимостью, миролюбием, поиском богатства, либеральным правлением и государственным кредитом. Однако либеральное употребление понятия «полупросвещение» в отличие от консервативного оказывается неустойчивым.

На русской почве проблематика полупросвещения скоро приобретает еще один особенный смысл, связанный с незавершенностью собственно российского просвещения, поверхностностью даваемого послепетровскому юношеству образования и воспитания. Такую постановку вопроса мы обнаруживаем у Пушкина и Вяземского, причем в связи с одним и тем же предметом – комедиями Фонвизина, нервом которых является именно вопрос о просвещении.

Первый случай употребления Пушкиным слова «полупросвещение» относится именно к обсуждению фонвизинского «Разговора у княгини Халдиной». «Изображение Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковых. Он записался в службу, чтоб ездить цугом. Он проводит ночи за картами и спит в присутственном месте, во время чтения запутанного дела. Он чувствует нелепость деловой бумаги и соглашается с мнением прочих из лености и беспечности. Он продает крестьян в рекруты и умно рассуждает о просвещении. Он взяток не берет из тщеславия и хладнокровно извиняет бедных взяткобрателей. Словом, он истинно русский барич прошлого века, каковым образовали его природа и полупросвещение» [24, с. 44].

Обращает на себя внимание говорящая фамилия Сорванцова – дерзкий нахал, оторванный от корней, не отвечающий за свои поступки. А.А. Асоян обратил внимание на письмо Пушкина И.И. Дмитриеву в связи с правительственным запретом «Европейца»: «добрый и скромный Киреевский, представлен правительству сорванцом и якобинцем» [32, с. 15]. Вновь якобинство и полупросвещение встречаются вместе. Сорванцов рассуждает о просвещении и продает крестьян в рекруты. Пушкин отмечает у него признаки того самого «двойного сознания», которое Кормер считает характерным для интеллигенции.

У самого Фонвизина «якобинские» черты Сорванцова проступают, пожалуй, еще резче. «Я недавно читала римскую историю и нахожу, что твое честолюбие есть катилининское», – бросает ему княгиня [33, с. 68]. Характеризуя воспитание, данное ему шевалье, Сорванцов говорит: «Он вселял в сердца наши ненависть к отечеству, презрение ко всему русскому и любовь к французскому» [33, с. 73]. Наконец нельзя не отметить фантастический по силе сатирический образ – Сорванцов проигрывает в карты деревню, где похоронены его родители: «Не из подлой корысти продал я деревню, где погребены мои родители. За то, что тела их тут опочивают, мне ни полушки не прибавили» [33, с. 67]. Продажа родного пепелища и отеческих гробов оказывается еще и бесприбыльной. Отчуждение от земли и народа выступает как первейшие плоды полупросвещения.

Это отчуждение связывалось и «стародумом» Фонвизиным, и Пушкиным, и его другом-оппонентом Вяземским с «иностранным воспитанием» русского дворянства, которое и было основной причиной его полупросвещенности. В своем сочинении «Фон-Визин», рукопись которого Пушкин проштудировал со всей тщательностью, Вяземский тоже говорит о полупросвещении именно в смысле дворянской недообразованности.

«В “Бригадире” можно видеть, что погрешности воспитания русского живо поражали автора; но худое воспитание, данное бригадирскому сынку, это полупросвещение, если и есть какое просвещение в поверхностном знании французского языка, в поездке в чужие краи без нравственного, приготовительного образования, должны были выделать из него смешного глупца, чем он и есть» [34, с. 135–136].

Вяземский упоминает просвещение, «в котором вообще обвиняют нас некоторые иностранцы: насильственно-прививное, скороспелое и потому ненадежное» [34, с. 9]. То есть именно полупросвещение. И видит залог истинного просвещения в том, чтобы «теснее согласовать необходимые условия русского происхождения с независимостью Европейского космополитства» [34, с. 19]. Будучи западником по общественной позиции, Вяземский тем не менее настаивает, что «в применении к воспитанию частному, т.е. личному, а не народному, не должно терять из виду, что именно для того, чтобы быть европейцем, должно начать быть Русским. Россия, подобно другим государствам, соучастница в общем деле европейском и, следовательно, должна в сынах своих иметь полномочных представителей за себя. Русский, перерожденный во француза, француз в англичанина, и так далее, останутся всегда сиротами на родине и не усыновленными чужбиною» [34, с. 19–20]. Напротив последнего рассуждения Пушкин, испещривший рукопись Вяземского заметками, оставляет запись: «Прекрасно!» [25, с. 22].

Представителями консервативного просвещения от Екатерины II, Фонвизина и Карамзина до Пушкина и Вяземского сформирован отчетливый полемический образ *полупросвещения*, для которого характерно соединение двух отрицательных черт. Первая – радикализм, сочетание умственной поверхностности, амбициозности, мечтательности, «катилинства», склонности к решительным и авантюристическим действиям, по сути – якобинству. Вторая – презрение к отечеству и народу, отчужденность от русских начал и традиции, некритическая приверженность новому и иностранному, отождествление просвещения и цивилизации с западными, европейскими началами, превращающее полупросвещенца в духовного иностранца.

Нетрудно увидеть, что именно эти черты полупросвещенца составляют основу того образа русской, а затем советской интеллигенции который обозначен авторами веховской традиции. «Образованщина» Солженицына оказывается новым именем для явления, заклейменного как «полупросвещение».

Из авторов «Вех» Бердяев прямо использует образ полупросвещения в обличении большевистской революции.

«Интеллигенция бессильна была дать народу просвещение, но она отравила народ полупросвещением, разрушившим народные святыни и льстившим самым темным народным инстинктам. Наша революционная и радикальная интеллигенция в массе своей всегда была полупросвещенной и малокультурной. Она усомнилась в высшей культуре, не достигнув ее, не пережив ее. Русский способ преодоления культуры и утверждения русского народа, как стоящего выше культуры, не может особенно импонировать. В России со слишком большой легкостью преодолевают культуру те, которые ее не вкусили, которые не познали ее ценности и ее трудности. Русский гимназист сплошь и рядом считает себя стоящим выше культуры, хотя он прочел всего несколько брошюр, ничего не знает и ничего не пережил… “Народ” жестоко мстит “интеллигенции” за разрушение древних святынь отрицательным полупросвещением. Революционная интеллигенция не имела настоящей культуры и не несла ее в народ» [35, с. 228–229][1].

Однако не является ли само бердяевское обвинение, до некоторой степени, плодом полупросвещения? Навязчивое упоминание некоего «исконного русского нигилизма», противопоставление русской полупросвещенности и истинной просвещенности европейца, который якобы имеет право быть выше культуры[2].

В вышеприведенном рассуждении, как в капле, высвечивается главный парадокс русской консервативной критики полупросвещения. Даже усовершенствованное просвещение все равно оказывается изготовлением «европейца» и, в некотором смысле, космополита. Можно быть представителем русского национального начала в этом универсальном культурном порядке Просвещения, но сам порядок и его благодетельность под сомнение не ставятся. А значит полупросвещение есть лишь промежуточный момент на пути к истинному просвещению – да, разрушительный в своей половинчатости, в своей отсталости, в своем несовершенстве, но все-таки лежащий на главной дороге.

Жалобы на радикализм и якобинство полупросвещения любой языкастый его последователь легко представит лишь как старушечьи сетования на слишком высокую скорость кареты и тряскость ухабов. Несомненно, темп изменений – вопрос существенный,

[1] Та же мысль в «Философии неравенства». «Вы революционеры – вы люди середины. Вы не знаете еще кризиса культуры, ибо не знаете еще культуры. Вы – люди полупросвещения. И не вам говорить о том, что народ русский выше культуры. Вы сами ниже ее» [35, с. 285].

[2] «Совсем иной духовный вес имеет, когда преодолеть культуру, освободиться от ее тяжести и перейти к высшей жизни жаждет европейский человек, у которого каждая клетка проникнута священным преданием культуры. Это – трагический процесс. И это – очень серьезно. Русское же возвышение над культурой слишком часто бывает лишь варварством и нигилизмом» [35, с. 228].

так как возможность или невозможность приспособиться к этому темпу подчас вопрос жизни и смерти. Но что делать, если основная миссия Просвещения – победа Разума над Предрассудком, победа рационального начала над религиозно-интуитивным – даже не ставится никем из критиков под сомнение? Александр Солженицын был именно тем мыслителем, который поставил перед собой задачу преодолеть парадигму «просвещения» как таковую.

Литература

1. Вестник русского студенческого христианского движения. Париж ; Нью-Йорк, 1970. III. № 97.
2. Былое и думы : Ответы Г.М. Шиманова на вопросы сотрудника Института гуманитарно-политических исследований М.А. Разорёновой [Электронный ресурс] / Г.М. Шиманов // Народ.ру. Былое и думы. Режим доступа: http://shimanov.narod.ru/biloe_i_gumi.htm
3. *Солженицын Александр.* Бодался телёнок с дубом // Новый мир. 1991. № 12.
4. *Кукулин Илья*. Новая логика: о переломе в развитии русской культуры и общественной мысли 1969–73 годов [Электронный ресурс] // Toronto Slavic Quarterly. № 61. Summer 2017. Режим доступа: http://sites.utoronto.ca/tsq/61/index_61.shtml
5. *Колесников Андрей.* Двойное сознание российского интеллигента [Электронный ресурс] // Ведомости. 2015. 3 сентября. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/09/04/607466-dvoinoe-soznanie-rossiiskogo-intelligenta
6. *Шиманов Геннадий.* Второе открытое письмо Н.А. Струве, редактору журнала «Вестник Р.С.Х.Д.» // Вестник русского студенческого христианского движения. Париж ; Нью-Йорк, 1972. II–III. № 104–105.
7. *Прохоров В.* Открытое письмо в редакцию журнала «Вестник Р.С.Х.Д.» // Вестник русского студенческого христианского движения. Париж ; Нью-Йорк, 1972. IV. № 106.
8. *Ибрагимов Л.* По поводу сборника статей, посвященных судьбам России, опубликованного в № 97 журнала «Вестник русского студенческого христианского движения» // Вестник русского студенческого христианского движения, Париж ; Нью-Йорк, 1972. IV. № 106.
9. *Радугин К.* Буди сие, буди! // Вестник русского студенческого христианского движения, Париж ; Нью-Йорк, 1972. IV. № 106.
10. *Осипов Владимир*. Письмо в редакцию журнала «Вестник Р.С.Х.Д.» // Вестник русского студенческого христианского движения. Париж ; Нью-Йорк, 1972, IV. № 106.
11. *Бородин Л.И.* О русской интеллигенции // цит по: Грани. 1975. № 96 [Электронный ресурс] // Режим доступа:http://moskvam.ru/borodin/post_49.html
12. *N.N. Metanoia* // Вестник русского студенческого христианского движения. Париж ; Нью-Йорк, 1970. III. № 97.
13. *Горский В.* Русский мессианизм и новое национальное сознание // Вестник русского студенческого христианского движения. Париж ; Нью-Йорк, 1970. III. № 97.
14. *Солженицын А.И.* Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб : Сборник статей. Paris : YMCA-Press, 1974.
15. *Воровский В.В.* Литературная критика. Фельетоны М. : Юрайт, 2018.
16. Вехи. М. : Новости, 1990. Репринт изд. 1909 г.
17. *Степанов С.А.* «Истинно русские» на Украине : 1905–1917 годы // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. Вып. № 47.
18. *Элбакян Е.С.* Между молотом и наковальней (российская интеллигенция в ушедшем столетии) // Вестник Московского университета. Социология и политология. 2003. № 2.
19. *Эпштейн Михаил.* Есть ли интеллигенция в Америке [Электронный ресурс] // Сноб. 22.11.2016. Режим доступа: https://snob.ru/profile/27356/blog/116460
20. *Солженицын Александр.* Образованщина // Из-под глыб : Сборник статей. Paris : YMCA-Press, 1974.
21. *Алтаев О.* Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вестник русского студенческого христианского движения. Париж ; Нью-Йорк, 1970. III. № 97.
22. *Хоркхаймер М., Адорно Т.В.* Диалектика просвещения : Философские фрагменты. М. ; СПб. : Медиум ; Ювента, 1997.
23. *Солженицын А.И.* …Колеблет твой треножник / А.И. Солженицын // Публицистика : в 3 т. Ярославль : Верхняя Волга, 1997. Т. 3.
24. *Пушкин А.С.* Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1959–1962. Т. 6.
25. Новонайденный автограф Пушкина : Заметки на рукописи книги П.А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / подгот. текста, статья и коммент. В.Э. Вацуро и М.И. Гиллельсона. М. ; Л., 1968.
26. *Бабкин Д.С.* Процесс Радищева. М. : Изд-во АН СССР, 1952.
27. *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения : в 2 т. М. ; Л. : Художественная литература, 1964. Т. 1.
28. *Сталь, Жермена де* О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями, М. : Искусство, 1989.
29. *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб. : Изданіе А.С. Суворина, 1903. Т. 1.

30. *Пушкин А.С.* Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1959–1962. Т. 7.

31. *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа : Политические сочинения. Письма. М. : Изд-во АН СССР, 1963.

32. *Асоян, Арам.* Пушкин ad marginem. СПб. : Алетейя, 2015.

33. *Фонвизин Д.И.* Собр. соч. в 2 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1959. Т. 2.

34. *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб. : Типогр. М.М. Стасюлевича, 1848. Т. 5.

35. *Бердяев Н.* Духовные основы русской революции (статьи 1917–1918 гг.) / Н. Бердяев // Собр. соч. Париж : YMCA-Press, 1990. Т. 4.

Аннотация. Сборник «Из под глыб» является наиболее ярким продолжением веховской традиции. Более того, именно А.И. Солженицын оказался подлинным идейным наследником «Вех». Преемство закреплено уже в названии: «Из под глыб» это следующий шаг после «Из глубины». Не расставив верно вехи, Россия сброшена оказалась на самую глубину, в бездну революции, а затем большевицкий режим навалил сверху тысячетонные глыбы. ««Вехи» и сегодня кажутся нам как бы присланными из будущего» - подчеркивает А.И. Солженицын и дерзновенно осуществляет «реставрацию будущего» «Вех», притязая одновременно и на их антиреволюционное содержание, критическое по отношению к прогрессистским суевериям русской интеллигенции, и на их религиозно-философскую глубину. А.И. Солженицын выступает с последовательной и развернутой доктриной анти-Просвещения. Возвращение к Богу, добровольное самоограничение и самостеснение человека, память об обязанностях вместо разгула «прав», приоритет внутренней свободы и недопустимость принесения народной жизни в жертву не только ради тоталитарной утопии, но и ради разгула свободы. Доктрина Солженицына – одна из наиболее последовательных и политически чётких консервативных философий, сформулированных за последние столетия. Тем более, что дуэль Солженицына с призраками Вольтера и Руссо продолжается и после его смерти, причем счет, по-прежнему, в пользу русского писателя.

Ключевые слова: «Вехи», «Из глубины», «Из под глыб», «Метанойя», Просвещение, анти-Просвещение, А.И. Солженицын, И.Р.Шафаревич.

Yegor Kholmogorov, Essayist; Editor-In-Chief, “Russian commentator” and “New Chronicle” Online Magazines. E-mail: holmogorow@yandex.ru

Commemoration for the Semi-enlightment of “Vekhi”, “Iz-pod Glyb” and the Ideology of Solzhenitsyn

Abstract. “Iz-pod Glyb” (“From Under the Clods”) almanac constitutes the most outstanding continuation of the tradition set by “Vekhi” almanac. Moreover it was A.I. Solzhenitsyn who became the real ideological successor of “Vekhi”. The succession was established already in the title: “Iz-pod Glyb” is the next step after the “Iz Glubiny” (“From the Depth”). Having failed to arrange the “vekhi” (landmarks) correctly, Russia found itself thrown down to the very depth, into the abyss of revolution, after which the Bolshevik regime piled up thousand-ton clods on top of it. “Even today it seems that “Vekhi” have been sent to us from the future”, – remarked A.I. Solzhenitsyn and fearlessly started “restoration of the future” of “Vekhi”, laying claim simultaneously on their antirevolutionary substance that was critical towards the progressist superstitions of Russian intelligentsia, and on the religious and philosophic depth. A.I. Solzhenitsyn put forward a detailed and consistent doctrine of anti-Enlightment: return to God, voluntary self-restraint and self-restrictions of man, keeping in mind his obligations instead of the “raging of rights”, the priority of inner freedom and inadmissibility of sacrificing the people’s life not only to the totalitarian Utopia, but also to the wild outburst of freedom. Solzhenitsyn’s doctrine is one of the most consistent and politically precise conservative philosophies formulated during the last centuries. More so, that the duel of Solzhenitsyn with the phantoms of Voltaire and Rousseau still continue even after his death, and the score is still in favor of the Russian writer.

Keywords: “Vekhi”, “Iz Glubiny” (“From the depth”), “Iz-pod Glyb” (“From Under the Clods”), “Metanoia”, Enlightment, Anti-Enlightment, A.I Solzhenitsyn, I.R. Shafarevich.